

Русская детская литература: сюжеты и гендер

УДК 82-31

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-120-126

А. Ф. Белоусов

*Независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия*

Дружба и обожание среди воспитанниц женских институтов в России начала XX века*

Статья посвящена субкультуре сообщества, возникшего и существовавшего в институтах благородных девиц.

Обычно девочки принимались в институты в возрасте десяти лет, когда у них еще не было никакого жизненного опыта, кроме домашнего. Оказавшись в непривычной для себя обстановке казенного учреждения, они испытывали шок от строго официальных отношений с институтским начальством и воспитательницами (классными дамами). Единственное, что хоть как-то отвлекало и успокаивало поступивших в институт, – это складывавшиеся отношения с другими девочками. Они становятся подругами: начинают говорить друг другу «ты», обращаются по имени, заступаются за подругу, вместе сидят по праздникам, долго беседуют после отхода ко сну и, конечно же, имеют общие «тайны». Институтская дружба служила опорой и поддержкой для жительниц этого «дома».

Институтки старших и младших классов зачастую участвовали в другом «ритуале» институтской субкультуры. Это широко известное «обожание». Обожание заключало в себе и восхваление своего «предмета», и оказание ей определенных услуг (например, чинить перья или шить тетрадки). Во имя своего «ангела» институтка должна была исполнять любую ее просьбу. Обожательницы испытывали самые настоящие мучения (вроде (выкалывания булавкой на руке вензеля «божества») и совершали всяческие «подвиги» (например, ходили ночью на церковную паперть), лишь бы доказать силу своего чувства и обратить на себя благосклонное внимание обожаемой воспитанницы.

Обожание вовсе не было «диким и нелепым», как считали передовые женщины 1860-х гг. Оно представляло собой определенную форму выражения своего преклонения перед лицами, воплощавшими институтские идеалы и совершенства. Обожая их, воспитанницы как бы репетировали будущую женскую роль.

Возникавший между дружбой и обожанием конфликт становится основой для мелодраматической фабулы первой повести Лидии Чарской «Записки институтки» (1902), которая прослеживается в этой статье.

Ключевые слова: женский институт, институтка, княжна Джаваха, подруга, дружба, обожание, самоотверженность, родная, болезнь, смерть.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00381 «Педагогические концепции гендерной социализации в русской детской литературе».

Белоусов Александр Федорович – кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия, afbelousov46@yandex.ru)

Лидия Чарская – псевдоним Лидии Алексеевны Вороновой (в замужестве Чуриловой, 1875–1937). Она воспитывалась в петербургском Павловском институте благородных девиц, затем окончила театральные курсы и стала актрисой Александринского театра. Житейские обстоятельства вынудили ее искать дополнительных заработков. Лидия Чарская, которая еще в институте писала стихи, занялась литературным творчеством.

Ее первая повесть «Записки институтки» была напечатана в известном детском журнале того времени «Задуманное слово» и в 1902 г. вышла отдельным изданием. В своей повести Чарская использовала хорошо знакомый ей материал. Она написана от лица десятилетней девочки, рассказывающей о первом годе, проведенном ею в женском институте. Люда Влассовская – дочь героя русско-турецкой войны, погибшего при штурме Плевны. Его гибель давала дочери безусловное право поступления в институт на бесплатное место казенной пансионерки. Это объясняет, почему любящие друг друга мать и дочь решаются на долгую разлуку.

Всю свою жизнь Люда Влассовская прожила на далеком хуторе в Полтавской губернии. Мать, маленький брат, старушка-няня и немногочисленная дворня – вот тесный круг привычного для нее общения. Иное дело – многолюдный столичный институт, куда поступает Люда, с его торжественно-строгой обстановкой в урочное время и с шумом и гамом на переменах. Многое здесь кажется девочке непривычным и даже неприятным (к примеру, такая, казалось бы, мелочь, как название воспитанниц не по именам, а по фамилиям: «Меня в первый раз называли по фамилии, и это неприятно подействовало на меня» [Чарская, 1902, с. 13]¹. Ей очень тяжело в чужом мире института. Вспоминая дом, Люда не может удержаться от слез.

Единственное, что хоть как-то отвлекает и успокаивает «новенькую», – это общение с княжной Ниной Джавахой, которая становится покровительницей Люды Влассовской. Отношения между ними характерны для институтских подружек, говоривших друг другу «ты», обращавшихся друг к другу по имени, заступавшихся за подругу, «кучкой» сидевших по праздникам, долго беседовавших после отхода ко сну и, конечно же, имевших общие тайны [Белоусов, 2001, с. 16–17]. Все это в той или иной степени противостояло окружавшей их обстановке. Возможно, поведение институтских подружек было лишь проявлением институтского «этикета», предполагавшего «выбор подруги», с которой делились «и мыслями и сладостями, чтобы не казаться смешной» [Львова, 1900, с. 35]. Однако и этот институтский «этикет» нередко служил опорой и поддержкой для воспитанниц. Взаимная привязанность и теплота человеческих отношений помогали жить в суровой обстановке казенного «дома».

Едва ли не самой главной из тайн, которые узнает Люда Влассовская от институтской подружки, является ее отношение к одной из старших институток – Ирочке Трахтенберг. Эта тайна открывается ей во время прогулки по дальней аллее институтского парка.

– Мы, ученицы младших классов, – рассказывает княжна, – «обожаем» старших. Это уже так принято у нас в институте. Каждая из младших выбирает себе «душку»², подходит к ней здороваться по утрам, гуляет по праздникам с ней в зале, угощает конфетами и знакомит со своими родными во время приема, когда допускают родных на свидание. Вензель «душки» вырезывается перочинным ножом на «тируаре» (пюпитре), а некоторые выцарапывают его булавкой на руке или пишут чер-

¹ Далее ссылки на «Записки институтки» ограничатся лишь страницами указанного издания повести.

² Душка – здесь: наименование воспитанницы в институтском сообществе.

нилами ее номер, потому что каждая из нас в институте записана под известным номером. А иногда имя «душки» пишется на стенах и окнах... Для «душки», чтобы быть достойной ходить с ней, нужно сделать что-нибудь особенное, совершить, например, какой-нибудь подвиг: или сбежать ночью на церковную паперть, или съесть большой кусок мела, – да мало ли чем можно проявить свою стойкость и смелость. Я никогда не обожала еще, Галочка, я была слишком горда, но недавно-недавно... – тут вдруг прервала она: Побожись мне три раза, что ты никому не выдашь мою тайну.

– Изволь, – и я исполнила ее желание.

– Видишь ли, – продолжала Нина оживленно, – незадолго до твоего поступления к нам я была больна лихорадкой и сильно кашляла. Пока я лежала в жару, в мое отделение привели еще одну больную, старшую, Ирочку Трахтенберг. Она так ласково обращалась со мной, ничем не давая мне понять, что я младшая, «сеньмушка»³, а она первоклассница. Мы вместе поджаривали хлеб в лазаретной печке, целые ночи болтали о доме. Ирочка – шведка, но ее родители живут теперь здесь, в Петербурге <...>. Ах, Галочка, какая она милочка, дуся! Какие у нее глаза, синие, синие... и волосы, как лен! Впрочем, ты сама сейчас увидишь. Только ты никому, никому не говори, Галочка, о моем обожании, а то Бельская и Крошка поднимут меня на смех. А я этого не позволю: княжна Джаваха не должна унижать себя.

Последние слова Нина произнесла с гордым достоинством, делавшим особенно милым ее красивое личико.

– Теперь ты увидишь «душку»!.. – таинственно сообщила она мне (с. 47–48).

Однако «душка» Нины Люде не понравилась: «в ее лице и фигуре было что-то отталкивающее».

А она, моя милая княжна, вся вспыхнув от удовольствия, подошла поцеловать Ирочку, ничуть не стесняясь ее подруги, очевидно, посвященной в тайну... Белокурая шведка совершенно равнодушно ответила на приветствие княжны.

– Ты ее очень любишь? – спросила я Нину, когда молодые девушки были далеко от нас.

– Ужасно, Галочка! Я ее люблю первой после папы!.. За нее я готова претерпеть все гонения «синявок»⁴... Я ее буду обожать до самого выпуска.

Все это было сказано так восторженно-пылко, что у меня на душе, где-то далеко-далеко, зашевелилось незнакомое мне до сих пор чувство ревности. Я ревновала мою милую, славную подружку к «белобрысой» шведке, как я уже мысленно окрестила Ирочку Трахтенберг (с. 51–52).

В этом отрывке описывается обожание – один из самых известных обычаев институтской субкультуры. Его не следует путать с институтской дружбой. Это совсем другое: «...разве ты не понимаешь, – говорит институтка в одном из мемуаров, – что я тебя люблю так, а Машеньку иначе – и тебя крепко, и ее крепко... Только мы с тобой дружим, а ее будем обожать...» [Хвоцинская, 1861, с. 518].

Обожание заключало в себе и восхваление своего «предмета» (когда вслед обожаемой «кричали»: «ange, beaute, incomporable, celeste, divine et adorable»), и оказание ей определенных услуг (например, «чинить перья или шить тетрадки»). Во имя своего «ангела» институтка должна была исполнять любую ее просьбу. Обожательницы испытывали самые настоящие мучения (вроде уже упомянутого выше выкалывания булавкой на руке вензеля «божества») и совершали всяческие «подвиги» (например, ходили ночью на церковную паперть или пробирались в церковь и там молились за свое «божество», лишь бы доказать силу сво-

³ «Сеньмушка» – ученица самого младшего, седьмого класса в женском институте, где самыми старшими были первоклассницы.

⁴ «Синявки» – уничижительное название институтских классных дам, носивших форменные платья синего цвета.

его чувства, и обратить на себя благосклонное внимание обожаемой воспитанницы [Белоусов, 2001, с. 18–20].

Обожание имело и своих противниц, которых со временем становилось все больше. Они разделяли мнение передовых женщин 1860-х гг., которые считали, что обожание возникло по мере того, как институтки утрачивали естественные чувства и выдумывали «любовь искусственную, пародию, карикатуру на настоящую любовь», которой, по их мнению, и является «до невероятности дикое и нелепое» обожание [Водовозова, 1987, с. 355].

Этот взгляд на обожание ложен и несправедлив.

Обожание представляло собой определенную форму выражения своего преклонения перед лицами, воплощавшими институтские идеалы и совершенства. Обожая их, воспитанницы как бы репетировали будущую женскую роль.

Возвращаемся к «Запискам институтки». Итак, княжна Джаваха обожает старшеклассницу Ирочку Трахтенберг. Ей нужно совершить ради нее какой-нибудь «подвиг».

Институтские разговоры о лунатиках, которых якобы можно встретить по ночам на церковной паперти, вдохновляют княжну проверить эти слухи, но главная цель ее ночного путешествия заключается в другом. Она идет, чтобы отличиться перед Ирочкой: ее поход станет подвигом обожательницы, совершенным ради своей обожаемой. «Ведь я, – считает Нина – еще ничего особенного не сделала, чтобы заслужить ее дружбу» (с. 81).

Вслед за ней тайком, несмотря на категорический запрет Нины Джавахи, отправляется Люда, которая очень беспокоится за подругу. «Экспедиция» кончается криком и обмороком Люды, испугавшейся некоей «фигуры в белом», которая, как позже выяснилось, была опоздавшей вовремя вернуться в здание института прислугой, если бы не добрая классная дама, сохранившая происшествие в тайне от начальства, участницам грозили большие неприятности. Однако в данном случае все завершилось лишь крупной ссорой между Людой и Ниной, которая развела раздружившихся девочек в разные стороны и связала их совсем с другими воспитанницами: Люду – со злейшим врагом княжны «Крошкой»-Марковой, а образцовую прежде институтку Нину Джаваху – с главной проказницей класса Бельской.

Отношения между ними восстанавливаются только после того, как Люда решается на настоящий подвиг ради бывшей подруги. Дело в том, что институтки во главе с Ниной ловят в парке раненую ворону, и княжна приносит ее в класс. Ворона закаркала в присутствии злобной классной дамы, которая начинает выяснять, кто виновница этого «безобразия», и обещает строго наказать ее. Институтки договариваются не выдавать Нину. Однако Люда этому не верит, зная о донощиках (вроде той же «Крошки»). Она понимает, в какую неприятную историю может попасть Нина, и решает спасти ее от позора, взяв вину на себя.

Люда наказана стоянием без передника на виду у всего института во время общего завтрака в столовой. Это считалось самым жестоким наказанием, что подтверждается и последовавшей затем сценой с плохо почувствовавшей себя Людой, которую отводят в лазарет. Вскоре туда пробирается княжна Нина, пораженная Людиной самоотверженностью. Она просит прощения у Люды и переживает, сколько той пришлось за нее вынести. Общение между девочками часто прерывается объятиями и слезами – «горячими, детскими слезами потерянного и вновь обретенного счастья». От избытка чувств, которые испытывает Люда, она, «потрясенная до глубины души», смогла выговорить только одно слово, но это слово – слово «родная» – выражает ее отношение к Нине (с. 116–117).

В то же время примирение между Людой и Ниной никак не отражается на отношении Нины к Ирочке Трахтенберг. Она по-прежнему обожает Ирочку, а Люда

по-прежнему не понимает, «как могла посредственная, весьма обыкновенная натура шведки нравиться <...> смелой, недюжинной и своеобразной княжне». Мало того, она негодует и раздражена тем, как часто Нина упоминает княжну, всегда прибавляя к ее имени «такие нежные», «такие ласкательные эпитеты» (с. 157–158).

Однако для самой Нины наступает лучший период ее жизни в Петербурге. Его апогей – институтский новогодний праздник, когда княжна Джаваха, переодевшись в привезенный ею с Кавказа «национальный наряд», в папахе и с нарисованными на лице черными усиками, изображает мальчика-джигита. Исполняемая ею мужская роль уникальна даже для праздничного ряженья в женском институте, но дело не ограничилось одной лишь гендерной новацией. Аудитория в полной мере оценивает ее артистический талант:

Хорошо танцевала Нина, змейкой скользя по паркету, все ускоряя и ускоряя темп пляски. Ее глаза горели одушевлением. <...> Разгоревшаяся в своем оживлении, она казалась красавицей. <...> Ей неистово аплодировала вся зала.<...> Я хотела было подбежать к Нине и крепко расцеловать ее за доставленное ею удовольствие. Я так пылала любовью к моей хорошенькой талантливой подруге, которой гордилась, как никогда, но – увы! – Нину уже подхватили старшие и, наперерыв угощая конфетами и поцелуями, увели куда-то (с. 168).

Ее следующее появление в зале, когда Нина приходит, обнявшись с Ирочкой Трахтенберг, только расстраивает Люду: «В первый раз за мое полугодное пребывание в институте, – думает она, – я почувствовала себя совсем одинокой. Сердце мое сжималось... грудь сдавило...». Впрочем, Людина печаль была не долгой. Стоило Нине через какое-то время прибежать к ней, как все ее горе «исчезло» (с. 169).

Очередной раз тема отношения Люды к Ирочке Трахтенберг актуализируется в пятницу на первой неделе Великого поста, когда младшим институткам надо было перед исповедью просить прощение за нанесенные друг другу обиды. Люда признается Нине в том, что называла ее Ирочку «белобрысой шведкой». Готовая уже «вспыхнуть» княжна вспоминает о том, что это за день, и ограничивается тем, что посылает ее извиняться перед самой Ирочкой. Люда кается, но на вопрос о том, что же та сделала ей дурного, молчит, отвечая про себя: «а разве не отняли у меня Нину и разве не мучили ее своею холодностью?» (с. 205).

Весной болезнь (туберкулез?) у Нины обостряется. В субботу на Вербной неделе она перенесла страшный припадок удушливого кашля, после чего Нину уносят в лазарет, откуда она уже не возвращается. Люда ходит к ней и пытается успокоить подругу. Однако «странный сон», который видит Люда на Пасху (с. 222–223), предсказывает девочкам разлуку, хотя Нина и воспринимает его только в плане своей страстно ожидаемой скорой поездки на Кавказ.

В течение нескольких дней состояние Нины резко ухудшается. Люда слышит, что княжна умирает и спешит к подруге. Очутившись у ее постели, Люда пытается успокоить рыдающую Нину. Она готова сделать для подруги все, что угодно, и первое, что приходит самоотверженной Люде в голову, – это позвать к ней Ирочку. Однако Нине Ирочки уже не нужно. Она не разлюбила Ирочку, но хочет, чтобы ее окружали «свои, свои близкие» – Люда и отец, приезда которого Нина ждет. А Ирочка не своя, не родная: она «чужая» (с. 253).

Общение Люды и Нины прерывается новым припадком, после которого Нина дарит ближайшей подруге две вещи на память о себе. Во-первых, медальон со своего нательного креста, подаренный ей отцом при отъезде из Петербурга⁵.

⁵ Об этом рассказывается в повести Л. Чарской «Княжна Джаваха» [1903, с. 249].

Если с одной стороны медальона находится карточка матери Нины – «чудной красавицы с чертами грустными и строгими», то на другой изображена сама Нина «в костюме маленького джигита, с большими, смеющимися глазами» (с. 257–258). Видимо, в этом мальчишеском виде она особенно радовала отца. Во-вторых, тетрадка, куда Нина все записывала и которую она никому не показывала. «Там все мои тайны, – признается она Люде. – Ты узнаешь из этой тетрадки, кто я... и как я тебя любила, – тебя одну из всех здесь в институте...» (с. 258).

Обращаясь к Люде, она называет ее так же, как когда-то назвала ее Люда: «родная» (с. 258), подтверждая и подчеркивая особую степень их близости. Весьма знаменательно, что это слово становится последним словом в последнем разговоре Люды и Нины.

Утром пришло известие о смерти Нины.

Между тем «Записки институтки» на этом не кончаются. Люда Влассовская продолжает свою повесть. Она рассказывает не только о похоронах княжны, но и о других событиях: об успешно сданных ею последних экзаменах, благодаря чему Люда становится первой ученицей класса, о выпуске старшеклассниц, после которого к ней обращается Ирочка Трахтенберг и просит ее о будущей встрече. Это происходит совершенно неожиданно для Люды, которая считала Ирочку своим «злейшим врагом». Однако теперь, когда исчезает предубеждение против Ирочки, Люда смогла увидеть в «белобрысой шведке» истинную аристократку и задаться в связи с этим вопросом: «Не потому ли так любила ее чуткая и гордая Нина?» (с. 275).

Отвечая на этот вопрос, читателям придется вновь вернуться к институтской фабуле повести, основанной на конфликте между дружбой и обожанием, и оценить масштаб явления.

«Я убеждена, – как много позже писала Татьяна Морозова, которая до революции училась в Харьковском институте благородных девиц, а в 1921 г. окончила советскую единую трудовую школу, – что “обожание” имеет место в среде любого учебного заведения. В институте оно усиливалось замкнутостью жизни и бедностью серьезных внешних впечатлений. По опыту собственной восьмилетней работы в средней школе знаю, что и советскую школу не миновала влюбленность юных в старших, трогаящих молодое воображение, несущих в себе зерно прекрасного или кажущихся воплощением идеала» [Морозова 2001, с. 452–453].

Список литературы

- Белусов А. Ф.* Институтки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 5–32.
- Водовозова Е. Н.* На заре жизни: В 2 т. М., 1987. Т. 1.
- Львова М. А.* Былые годы. М., 1900.
- Морозова Т. Г.* В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001. С. 389–506.
- Хвоцинская С. Д.* Воспоминания институтской жизни // Русский вестник. 1861. Т. 35. С. 264–297, 512–568.
- Чарская Л.* Записки институтки. СПб.; М., 1902.
- Чарская Л.* Княжна Джаваха. СПб.; М., 1903.

A. F. Belousov

*Independent Researcher
St. Petersburg, Russian Federation*

**Friendship and Adoration
among the Students of Russian Institutes of Noble Maidens
in the Early 20th Century**

The article discusses the subculture of the community that originated and existed in the Institutes of Noble Maidens (Russian boarding schools).

Usually, girls were admitted to Institutes at the age of ten, when they still had no life experience other than home. Upon finding themselves in an unfamiliar environment of a public institution, they were shocked by strictly official relationships with the school authorities and teachers (“class ladies”). The only thing that at least somehow distracted and reassured those who entered the Institute were the developing relationships with other girls. Students become friends: started addressing each other by using an informal “thou” and first names, defended each other before authorities and other girls, sat together during celebrations, had long pillow-talks after going to bed, and, of course, shared “secrets.” For the residents of the new “home,” friendships provided aid and support.

In the meanwhile, both younger and older students often participated in another “ritual” characteristic of the Institutes’ subculture: the famous practice of “adoration.” Adoration included the praise of its “object,” as well as providing certain services to the adored one (such as sharpening her quills or sewing her notebooks together). The admirer had to fulfill any request made by her “Angel.” Admirers subjected themselves to very real torture (like scratching a monogram of their “deity” with a pin on the back of their hand) and performed all kinds of “feats” (such as heading out to the porch of a church at night) to prove the strength of their feelings and draw favorable attention to themselves. Adoration was not at all “wild and ridiculous,” as the advanced women of the 1860s tended to think. It represented a form of admiration for persons who embodied the ideals and assumed perfection within the Institute’s community. By adoring their “perfect” counterparts, the girls seemingly rehearsed the female roles to be performed in adulthood.

The conflict that arose between friendship and adoration became the basis for the melodramatic plot of Lydia Charskaya’s first published novella “Notes of the Institute Girl” (1902), which is being discussed in this article.

Keywords: institute, institute girl, Princess Jawakha, girlfriend, friendship, adoration, selflessness, sweetheart, disease, death.

DOI 10.25205/2410-7883-2019-2-120-126

References

- Belousov A. F. Institutki. In: Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits [Institute Girls: Memoirs of Students of the Institutes of Noble Maidens]. Moscow, 2001, p. 5–32. (in Russ.)
- Charskaya L. Knyazhna Dzhavakha [Princess Jawakha]. St. Petersburg, Moscow, 1903.
- Charskaya L. Zapiski institutki [Notes of the Institute Girl]. St. Petersburg, Moscow, 1902.
- Khvoshchinskaya S. D. Vospominaniya institutskoy zhizni [Memoirs of the Institute Life]. *Russkiy Vestnik*, 1861, vol. 35, p. 264–297, 512–568.
- Lvova M. A. Bylye gody [The Past Times]. Moscow, 1900.
- Morozova T. G. V institute blagorodnykh devits [At the Institute of Noble Maidens]. In: Institutki: Vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits [Institute Girls: Memoirs of Students of the Institutes of Noble Maidens]. Moscow, 2001, p. 389–506.
- Vodovozova E. N. Na zare zhizni [At the dawn of life]. In 2 vols. Moscow, 1987, vol. 1.

Aleksandr F. Belousov – Candidate of Philology, Independent Researcher (St. Petersburg, Russian Federation, afbelousov46@yandex.ru)